

ИЗ КНИГИ «ПИСЬМО В ПУСТОТУ» (2001)

***

Всё умерло. И только память
прокручивает ленту дней.
О, как она умеет ранить,
высвечивая, что больней.

Оно всегда, всегда со мною,
в груди залитое свинцом,
твоё прощальное, родное,
твоё смертельное лицо.

И, равнодушны, как природа,
чужие лица плыли прочь,
когда ты так бесповоротно,
непоправимо канул в ночь.

О, если бы какой-то выход, —
шальная мысль явилась мне —
пусть это бред, безумье, прихоть, —
счастливый лаз в глухой стене,

забитый наскоро, небрежно
заложенный кривой пролом,
куда влетает ангел нежный
и аист шелестит крылом...

О, если б время заблудилось,
споткнулось, сбилось бы с пути,
как Божья шалость или милость,
и где-то там, в конце пути,

в какой-то путанице рейсов -
вагон забытый, сам не свой,
который бы умчал по рельсам
туда, где ты ещё живой...

И окликают нас могилы,
и обступают всё тесней.
Я снова слышу голос милый
и вижу словно в полусне:

бессмертным символом разлуки,
весь мир навеки породня, —
крестов раскинутые руки,
которым некого обнять.

***

Я знаю, истина в вине.
Не в том, что плещется на дне —
в неискупаемой, нетленной.
Она лежит на дне души.
Ей тяжело дышится в тиши.
Она одна во всей вселенной.

Неутолимая печаль
меня терзает по ночам.
Кому поведать? Богу? Людям?
И я бреду в своём аду
и повторяю, как в бреду:
«О, как убийственно мы любим!»

Ночной звонок. Алё! Алё!
И мысль безумная мелькнёт:
а вдруг твой голос я услышу?
Раздастся в дверь тревожный стук,
и — сердца вздрог: а вдруг? А вдруг?!
Но это дождь стучит по крыше.

Плесну в бокал себе вино.
Но, словно кровь, оно красно.
Мы пьём и пьём хмельное зелье,
не понимая, что хмельны
не от вина, а от вины,
и будет ужасом похмелье.

Пройдёт сто лет, сто раз по сто...
Ничто не сгладится, ничто!
Она навек со мною слита,
как горб проклятый за спиной.
О, как в сравнении с виной
легка и сладостна обида!

Вина даётся нам сполна.
Её не вычерпать до дна.
И каждый день мой ею мечен.
Я от неё не излечусь.
Я с ней вовек не расплачусь.
Хотя платить уж больше нечем.

Я знаю истину: она
для понимания трудна,
пока не бьёшься в исступленье.
Я знаю, что такое Бог.
Бог — это боль, что он исторг.
И — искупленье, искупленье...

***

Пастернак не заехал к родителям.
Тщетно ждали они в тоске.
Лет двенадцать его не видели.
Так и умерли вдалеке.

«Здесь предел моего разумения», —
от Марины дошла хула.
А сама-то в каком затмении
дочь на смерть свою обрекла?

Гёте не попрощался с матерью —
душу Фаусту сберегал.
Бродский сына оставил маленьким,
устремясь к другим берегам.

Вы — особые, вы — отмечены.
Что вам дружество и родство?
Как же в этом нечеловеческом
уживается божество?

Классик щёлкнет цитатой по носу:
«Мал и мерзок не так, как мы».
Вы — стихия, вы — выше кодексов,
выше совести и молвы.

Что мы смыслим с моралью куцею,
именуемые толпой?
Что поэту все конституции,
коль — запой или вечный бой?

Не стреножит поэта заповедь,
он — в полёте, певец, чудак...
Только что-то меня царапает.
Что-то в этом во всём не так...

***

На ручкойнике моём
позеленела медь.
Но так играет луч на нём,
что весело глядеть!

...запах дёгтя свежий,
таинственная плесень на стене...

А. Ахматова

Вдоль полоч палец по привычке
скользит во власти забытья.
Как хорошо лежат частички
таинственного бытия:
реснички, ниточки, ворсинки...
Как нежен хаос, волокнист!
А.Кушнер

Как грубо чувствуют плебеи,
когда являют спорость рук.
Я портить красоты не смею:
я воспеваю ржавость труб;

я, в свежем дёгте и суглинке,
лелею плесень на стене,
не смею смахивать пылинки —
чтоб хаос был ещё нежней;

любуюсь контуром ажурным,
что влагой с потолка набух,
и вижу в крошке штукатурной —
летающий с уст Эола пух.

А если рухнет перекрытье
и погребёт меня под ним —
придут поклонники почтить мя
и скажут, головы склонив:

«Погиб поэт! Невольник быта. —
Хоть не умел он ни черта —
он выше нашего корыта.
Он дух святой... не нам чета».

***

Слова любви, слова любви —
судьбы таинственные шифры...
Слова из губ моих лови,
мы только ими будем живы.

Их смысл вечнозелён и нов,
всей жизни он первооснова.
Одень меня в наряд из слов,
баюкай музыкою слова.